

Хвостов Вениамин Михайлович

**Общественное мнение к
политической партии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
В29

В29 **Вениамин Михайлович Х.**
Общественное мнение к политической партии / Хвостов Вениамин Михайло-
вич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 62 с.

ISBN 978-5-521-29028-4

ISBN 978-5-521-29028-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

въ отстаиваніи и проведеніи на практикѣ своего воззрѣнія. На этомъ и основано значеніе общественнаго мнѣнія, какъ соціальной силы. Всякая идея неизбѣжно стремится къ реализаціи; тѣмъ съ большею силою стремится къ осуществленію идея, за которую стоитъ масса людей, ею воодушевляемая и сплочиваемая.}

Но здѣсь сразу возникаетъ предъ нами серьезное затрудненіе. Какимъ путемъ можетъ быть достигнута на практикѣ солидарность въ отношеніи къ какому-либо вопросу въ современныхъ государствахъ, въ средѣ ихъ многомилліоннаго населенія? Не является ли общественное мнѣніе въ сущности только теоретической фикціей, понятіемъ, не имѣющимъ реального содержанія?

{Солитарность членовъ общества во вкусахъ и воззрѣніяхъ легко достигается въ мало развитыхъ культурно и немногочисленныхъ по составу соціальныхъ группъ. Чѣмъ ниже въ культурномъ отношеніи стоитъ такая группа, тѣмъ менѣе развито въ ея членахъ чувство личнаго достоинства, тѣмъ менѣе обнаруживаются въ ней различія между индивидуальными воззрѣніями и вкусами отдѣльныхъ членовъ, тѣмъ въ большей степени напротивъ, находятся ея члены подъ подавляющимъ личностью и сравнивающимъ всѣ различія господствомъ прочно сложившихся традиціонныхъ нравовъ и воззрѣній. Этому способствуетъ въ значительной степени то обстоятельство, что въ малочисленной и малокультурной общественной средѣ весь общественный бытъ отличается большой простотой: раздѣленіе труда здѣсь мало развито, общество не распадается на группы, различныя по занятіямъ и образу жизни. Простотѣ быта, однообразію состава общества и однородности занятій его членовъ соотвѣтствуетъ и однородность вкусовъ и воззрѣній.}

Но въ современныхъ цивилизованныхъ странахъ мы не находимъ ничего подобнаго. Здѣсь мы встрѣчаемся съ многолюдными государствами, хозяйство которыхъ отличается необычайной сложностью, будучи основано на широко проведенномъ раздѣленіи труда, сложныхъ мѣновыхъ и кредитныхъ отношеніяхъ. Поэтому мы не найдемъ здѣсь однородной общественной массы. Чувство личности сравнительно очень развито въ населеніи

современныхъ демократическихъ государствъ. Соответственно съ этимъ общія традиціонныя воззрѣнія не имѣютъ здѣсь такой широкой сферы примѣненія и не оказываютъ такого подавляющаго воздѣйствія на образъ мыслей отдѣльныхъ членовъ общества. Каждый въ значительной степени воленъ создавать свои собственные воззрѣнія на вещи, и многіе поставлены въ такія условія, что, дѣйствительно, мыслятъ болѣе или менѣе оригинально. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся съ большимъ разнообразіемъ личныхъ мнѣній и вкусовъ. Съ другой стороны, въ силу сложности социальныхъ и экономическихъ отношеній, эти многолюдныя общества распадаются на массу отдѣльныхъ классовъ и организацій. Внутренне эти классы и организаціи объединяются общностью интересовъ и иногда также воззрѣній ихъ сочленовъ. Но зато они нерѣдко стоятъ между собой въ болѣе или менѣе рѣзко выраженныхъ враждебныхъ отношеніяхъ. Въ основѣ такого расчлененія общества на классы и отдѣльныя организаціи лежатъ самыя различныя интересы: экономическіе, политическіе, религіозные, культурные и т. п. Притомъ, въ виду спеціальнаго характера этихъ интересовъ и вызываемыхъ ими организацій, каждый гражданинъ можетъ одновременно являться членомъ нѣсколькихъ такихъ организацій, такъ какъ ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ всѣмъ его интересамъ; на этой почвѣ возможны опять-таки самыя разнообразныя сочетанія и комбинаціи.

Можемъ ли мы при такихъ условіяхъ говорить о существованіи общественнаго мнѣнія въ подобныхъ странахъ? Можетъ ли столь разнородное по составу и по воззрѣніямъ общество объединиться на почвѣ общихъ его членамъ воззрѣній, чувствъ и стремленій?

Конечно, при этихъ условіяхъ значительно затрудняется объединеніе общества. Если ихъ вліяніе не парализуется какими-нибудь противоположными вліяніями, то объединеніе это и не наступаетъ, т.-е. общественное мнѣніе не возникаетъ. Это бываетъ нерѣдко. Случается, что по извѣстному вопросу слагается опредѣленное мнѣніе только въ нѣкоторыхъ слояхъ общества; это бываютъ обыкновенно или тѣ слои, которыхъ интересы непосредственно задѣваются даннымъ вопросомъ, или же тѣ,

которые отличаются сравнительно съ другими особою чуткостью къ вопросамъ соціальной жизни. Остальная масса общества остается при этомъ совершенно равнодушной къ данному вопросу и никакимъ образомъ на него не реагируетъ. При такихъ условіяхъ только мнѣніе тѣхъ слоевъ общества, которые выказали свое отношеніе къ извѣстному вопросу, и можетъ претендовать на значеніе общественнаго мнѣнія, только оно и оказываетъ свое вліяніе на ходъ событій. Каково это вліяніе — это зависитъ уже отъ соціальной силы и значенія того общественного класса, который выступилъ какъ выразитель общественнаго мнѣнія. Если этотъ классъ обладаетъ большимъ соціальнымъ вѣсомъ, то его мнѣніе можетъ имѣть огромное практическое значеніе при индифферентномъ отношеніи массы, хотя бы онъ самъ и составлялъ меньшинство населенія и хотя бы его требованія шли въ разрѣзъ съ интересами пассивной массы. На этомъ и основанъ перевѣсъ, который въ жизни общества часто получаютъ элементы аристократическіе, plutократическіе и т. п. На этомъ основано и преобладающее вліяніе, которое оказываютъ на ходъ политической жизни наиболѣе образованные слои общества.

Но возможно и такое положеніе, что въ средѣ круговъ, которые вообще задаютъ тонъ въ политической жизни общества, единогласія не образуется. Общественное мнѣніе можетъ разбиться на цѣлый рядъ несогласимыхъ другъ съ другомъ теченій. Въ такомъ случаѣ единого общественнаго мнѣнія и не возникаетъ. Однако такое положеніе можетъ оказаться только временнымъ, переходнымъ. Съ теченіемъ времени могутъ выдвинуться впередъ нѣкоторыя теченія, какъ преобладающія. Эти теченія вступаютъ между собою въ борьбу; происходитъ то явленіе, которое Тардъ остроумно окрестилъ именемъ логическаго поединка идей¹⁾, и подобный поединокъ можетъ кончиться побѣдой какой-нибудь идеи. Такая побѣда можетъ быть неполной: несмотря на всѣ компромиссы, на которые пошли сторонники восторжествовавшей идеи, могутъ оказаться „непримиримые“, кото-

¹⁾ См. Тардъ. „Соціальная логика“ (пер. Цейтлина), стр. 232. „Законы подражанія“ (изд. Павленкова), стр. 159, сл.

рые ни на какія уступки не идутъ. Это не помѣшаетъ говорить о наличности общественнаго мнѣнія, какъ мнѣнія господствующаго: {господствующее мнѣніе не есть мнѣніе единогласное, всѣми раздѣляемое; оно потому и называется „господствующимъ“, что рядомъ съ нимъ существуютъ другія негосподствующія воззрѣнія.}

Случается, что такіе поединки идей захватываютъ не только наиболѣе чуткіе къ общественнымъ вопросамъ или наиболѣе заинтересованные слои общества, но и всю массу общества. Это предполагаетъ или слишкомъ важный характеръ вопроса, который затрогиваетъ интересы всего населенія, или же сравнительно очень высокий уровень умственнаго и нравственнаго развитія массы, при которомъ она начинаетъ реагировать на сравнительно менѣе бросающіеся въ глаза поводы. Что такое развитіе не необходимо безусловно, но иногда достаточно бываетъ просто чрезмѣрной важности вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, это показываютъ, напр., случаи возбужденія народныхъ массъ патріотическимъ чувствомъ противъ иноземнаго нашествія (наша „Отечественная“ война 1812 года).

{Если въ той или иной формѣ сложилось общественное мнѣніе, то оно представляетъ собой величину, съ которой нельзя не считаться.} Сложившись, оно стремится реализоваться, и простой отказъ съ нимъ считаться можетъ быть весьма опасенъ. Конечно, современные государства обладаютъ могущественнымъ средствомъ для того, чтобы заставлять членовъ общества подчиняться рѣшеніямъ органовъ власти; такимъ средствомъ является армія, организованная военная сила, снабженная всѣми приспособленіями современной техники. Развитіе этой силы оказало большое вліяніе на ходъ политическихъ событій. „Теперь уже нельзя произвести возстанія съ помощью оружія поединковъ, — говоритъ Сеньобосъ, — разграбивъ оружейныя мастерскія; теперь немыслима борьба между обладателями охотничьихъ ружей и солдатами, вооруженными боевыми ружьями; никакая баррикада не устоитъ передъ современными пушками. И, несомнѣнно, не простое совпаденіе, что революціи и возмущенія, столь частыя въ Европѣ до 1848 года, совершенно прекратились со времени преобразованія воору-

женія. Германскій социаль-демократъ Бебель указалъ причину этого (1890 г.): „Я уже говорилъ о томъ, къ чему привела бы революція, произведенная самое большее 200.000 человекъ: въ это время скорострѣльныхъ ружей и пушекъ Максима насъ бы перестрѣляли, какъ воровъ“ ¹⁾).

Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что значеніе общественнаго мнѣнія умалилось по мѣрѣ прогресса военной техники и что оно перестало быть важной общественной силой. {Никогда не нужно упускать изъ вида основной истины, что государство, какъ и всякое человѣческое общество, держится исключительно на психической связи между его членами и что ни одно государство не можетъ ослаблять эту связь безъ риска для своего собственнаго существованія} Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что власть, упорно игнорирующая общественное мнѣніе, дѣйствуетъ именно въ такомъ направленіи: она ослабляетъ ту связь между властью и населеніемъ, которою держится по существу государственный союзъ, и ведетъ себя къ гибели.

Правительство, которое рѣшило бы поддерживать себя только при помощи вооруженной силы, должно бы было считаться съ тѣмъ, что бываютъ такія положенія, которыя дѣлаютъ населеніе равнодушнымъ и къ вооруженной силѣ. Если затронутые интересы представляются слишкомъ цѣнными, то граждане рѣшаются ихъ отстаивать даже противъ силы оружія. А затѣмъ правительство, которое вступаетъ въ систематическую вооруженную борьбу со своими подданными, должно учесть и всѣ тѣ неисчислимые культурныя и экономическія бѣдствія, къ которымъ приводитъ подобная междоусобная война, то ослабленіе производительныхъ силъ, на которое она осуждаетъ населеніе ²⁾).

Къ этому слѣдуетъ добавить, что по мѣрѣ роста военной техники измѣняются техническія условія и въ другихъ областяхъ жизни. Какъ мы увидимъ ниже, среди этихъ

1) *Сеньобосъ*. „Политическая исторія современной Европы“ (3-е изд. Т-ва „Знаніе“, 1903 г.), т. II, стр. 559.

2) См. къ этому *Sidgwick*. „Elements of Politics“ (1897), chapt. XXXI.

измѣненій есть много такихъ, которыя сами по себѣ помогаютъ формированію и проявленію общественнаго мнѣнія. Въ результатѣ можно сказать, что прогрессъ техники не только не ослабляетъ значенія общественнаго мнѣнія, какъ соціальной силы, но, повидимому, скорѣе способствуетъ усиленію его значенія. Мѣняются лишь формы его проявленія и проведенія въ жизнь; эти формы дѣлаются утонченнѣе: на мѣсто революціи съ оружіемъ въ рукахъ выступаютъ поединки идей въ болѣе чистой формѣ.

Общественное мнѣніе проявляется вовнѣ въ самыхъ различныхъ формахъ. Для этого служить печать, періодическая и неперіодическая, каждая въ своей сферѣ и со своими средствами воздѣйствія; для того же служатъ всякаго рода коллективныя заявленія и петиціи; о значеніи представительныхъ учреждений мы поговоримъ ниже.

Часто случается, что шумная политическая манифестація сама по себѣ оказывается хорошимъ средствомъ не столько для проявленія, сколько для сформированія общественнаго мнѣнія. Дѣло въ томъ, что искусно подготовленная политическая манифестація производитъ иллюзію уже вполне сложившагося общественнаго мнѣнія. Именно съ этой стороны она и производитъ послѣдствія: она заставляетъ неувѣренныхъ и колеблющихся пристать къ извѣстному теченію, такъ какъ они полагаютъ, что за нимъ скрывается большая соціальная сила. Въ этомъ иногда состоитъ все значеніе большихъ народныхъ митинговъ, умѣло организуемыхъ ихъ устроителями ¹⁾.

II.

Разныя соціальныя условія могутъ быть въ большей или меньшей степени благопріятны для объединенія общественнаго мнѣнія. Поэтому значеніе и характеръ общественнаго мнѣнія не были одинаковы въ различныя

¹⁾ См. къ этому Ostrogorski. „La démocratie et l'organisation des partis politiques“. (1903 г.), т. I, стр. 432, сл. 483.

историческія эпохи, и при разныхъ политическихъ условіяхъ.

Въ небольшихъ греческихъ республикахъ-городахъ общественное мнѣніе создавалось путемъ непосредственного обмѣна мыслями въ мѣстахъ общественныхъ собраний, который постоянно происходилъ въ средѣ сравнительно небольшой группы людей, составлявшихъ классъ свободныхъ гражданъ античной демократіи. Свое выраженіе общественное мнѣніе находило въ постановленіяхъ народныхъ собраний и отчасти въ литературѣ, особенно драматической, гдѣ нерѣдко произносились вердикты общественного мнѣнія по злободневнымъ вопросамъ. Въ непосредственныхъ демократіяхъ, каковыми были эти античныя республики, общественное мнѣніе, безпрепятственно и не нуждаясь въ какой-либо передаточной инстанціи, отражалось на законахъ, издаваемыхъ общими собраніями гражданъ, и даже на судебныхъ рѣшеніяхъ, нерѣдко исходившихъ изъ того же источника. Если общественное мнѣніе не отличалось устойчивостью и не подавалось власти твердо установленныхъ идеаловъ или прочно вкоренившейся традиціи, то такую же неустойчивостью отличались и законодательство, и отправленіе суда.

Въ древнемъ Римѣ мы встрѣчаемся съ такой же небольшой непосредственной демократической республикой. Но здѣсь, въ отличіе, напримѣръ, отъ афинской демократіи, значительно большей силой отличается авторитетъ традиціи, а потому наблюдается большая устойчивость въ законодательствѣ, большее уваженіе къ традиціоннымъ органамъ власти и къ установившемуся правопорядку. По отношенію къ вопросамъ общественной нравственности римляне создали особый органъ для систематическаго выраженія общественного мнѣнія; я разумѣю цензора съ его извѣстнымъ контролемъ за нравами гражданъ (*regimen morum*). Къ концу республики условія измѣнились къ худшему: народныя собранія города Рима попрежнему законодательствовали для всего государства, но они перестали быть выразителями общественного мнѣнія не только всего населенія, но и класса римскихъ гражданъ, такъ какъ территорія, занимаемая послѣдними, слишкомъ расширилась, чтобы даже значительная

часть ихъ могла являться на собранія. Народныя собранія выражали лишь мнѣніе римскаго населенія, а это мнѣніе выродилось и не отличалось уже ни прежнею серьезностью, ни прежнею устойчивостью, ни прежнею искренностью. Во времена имперіи значеніе общественнаго мнѣнія падаетъ еще болѣе: городъ Римъ теряетъ теперь свое прежнее значеніе единственнаго правящаго центра и утрачиваетъ республиканскія учрежденія, дававшія практическое значеніе и выраженіе мнѣнію его населенія. Взамѣнъ этого не создается какого-либо иного общественнаго мнѣнія, которое объединяло бы собой населеніе обширнаго политическаго цѣлаго. Между отдѣльными частями имперіи слишкомъ велика была культурная и политическая рознь, сношенія между ними не были достаточно интенсивны, а потому и не могло установливаться общественное мнѣніе общеимперскаго характера. Это отсутствіе духовной связи и было одной изъ главныхъ причинъ послѣдовавшаго въ концѣ-концовъ распада имперіи и крушенія античной культуры. Впрочемъ, это касается лишь имперіи, взятой какъ цѣлое. Общественное мнѣніе отдѣльныхъ провинцій долго еще находило себѣ выраженіе на особыхъ провинціальныхъ сѣздахъ, которые нерѣдко обращали вниманіе императоровъ на свои нужды.

Съ аналогичными условіями встрѣчаемся мы въ продолженіе среднихъ вѣковъ. Населеніе тогдашнихъ государствъ слишкомъ разобщенно живетъ, чтобы могло составляться мнѣніе большихъ территоріальныхъ единицъ. Во-первыхъ, сознаніе государственнаго единства долго еще было слишкомъ слабо. Для cadaго гораздо больше практическаго значенія имѣла та сословная или мѣстная группа, къ которой онъ принадлежалъ, или же связь его съ даннымъ политическимъ патрономъ, нежели весь государственный союзъ, къ которому относились эта группа или патронъ. Поэтому могло создаваться мѣстное мнѣніе отдѣльныхъ общественныхъ группъ и организацій, но не общественное мнѣніе болѣе или менѣе обширной страны по общегосударственнымъ вопросамъ. Слабо было развито и то сознаніе національной общности и единства, которое съ такой силой выдвинулось въ наше время. Недостаточно были развиты почтовые

сообщенія и вообще средства передвиженія; это дѣлало невозможнымъ обмѣнъ мыслей по вопросамъ дня между общественными группами, раздѣленными территоріально. Сословныя и вѣроисповѣдныя перегородки также разъединяли общество. Наконецъ, это было время вообще сравнительной неподвижности общественной и политической мысли; слишкомъ были велики повсюду сила авторитета и власть католической церкви и ея традиціи, чтобы можно было ожидать образованія столь свободнаго и столь измѣнчиваго общественнаго мнѣнія, съ какимъ мы встрѣчались въ античныхъ республикахъ. Съ значительнымъ основаніемъ можно утверждать, что средневѣковыя государства объединяются не столько общими чувствами и воззрѣніями населенія, сколько внѣшнимъ единствомъ государственной власти, задачи которой не особенно глубоко захватываютъ повседневную жизнь населенія. Только власть имѣла въ эту эпоху средства быть освѣдомленной о жизни всего политическаго цѣлага, только она могла вносить извѣстное единство въ разнообразіе мѣстной и сословной жизни. Принимая это во вниманіе, Тардъ выставляетъ положеніе, что въ эту эпоху власть не столько *выражала* единство націи, какъ теперь, но въ значительной степени сама *устанавливала* и *создавала* это единство ¹⁾.

По мѣрѣ приближенія къ новому времени эти условія мѣняются. Гуманизмъ усилилъ самосознаніе личности, вѣру въ творческій геній человѣчества и соотвѣтственно ослабилъ во всѣхъ областяхъ мысли значеніе авторитета и безусловное господство традиціи. На почвѣ усиленія государственной власти и ослабленія космополитическаго господства католической церкви начинается крѣпнуть чувство государственнаго единства. Рука объ руку съ этимъ идетъ ослабленіе значенія политическаго патроната, ослабленіе сословныхъ и профессиональных мѣстныхъ организацій. Но вмѣстѣ съ этимъ усиливается и расширяется другого рода, болѣе широкое общеніе. Почтовые сношенія ускоряются и дѣлаются все болѣе широко доступными. Развитіе придворной жизни создаетъ

¹⁾ Тардъ. „Общественное мнѣніе и толпа“, стр. 71.

въ столицахъ крупныя культурныя и политическія центры. Книгопечатаніе создало могущественное средство для распространенія идей изъ этихъ центровъ въ окружности и для внесенія единства въ возрѣнія широкихъ круговъ общества. Если въ античномъ мірѣ и въ средніе вѣка намъ по преимуществу приходится имѣть дѣло, по терминологіи того же Тарда ¹⁾, съ толпой, т.-е. съ массой людей, которые объединяются непосредственной физической близостью другъ къ другу, то теперь все болѣе начинаетъ выступать на первый планъ публика, въ смыслѣ группы людей, объединяемой воздѣйствіемъ на разстояніи, путемъ, главнымъ образомъ, печатнаго слова.

Всѣ эти условія создаютъ возможность объединенія широкихъ общественныхъ круговъ на общихъ интересахъ и общихъ точкахъ зрѣнія. Быстрое распространеніе политическихъ извѣстій само по себѣ повышаетъ интересъ общества къ вопросамъ общей политики. Соответственно съ этимъ уже въ XVIII вѣкѣ мы встрѣчаемся на западѣ Европы, по крайней мѣрѣ въ передовыхъ странахъ, съ довольно развитымъ общественнымъ мнѣніемъ. Во Франціи это мнѣніе получаетъ руководство изъ Парижа и, будучи достаточно сплочено, начинаетъ дѣятельную борьбу со старымъ порядкомъ; притомъ господствующимъ мнѣніемъ здѣсь оказывается мнѣніе среднихъ классовъ, буржуазіи и мелкаго духовенства, которые и вступаютъ въ упорную борьбу съ высшими привилегированными сословіями. Въ Англіи XVIII вѣкъ былъ эпохой главенства въ политической жизни высшихъ классовъ общества, nobility и gentry, которые и создавали общественное мнѣніе страны; но бывали случаи, когда на сцену выступали съ митингами и петиціями и болѣе широкіе слои населенія.

Еще болѣе благопріятныя условія для выработки общественного мнѣнія по вопросамъ текущей политики создаются въ теченіе XIX столѣтія. Огромное значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ прогрессъ техники. Оtmѣтимъ хотя бы появленіе желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, теле-

1) Тардъ. Ук. соч. стр. 1, сл.